

Познахирев В.В. ©

Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук,
Смольный институт Российской академии образования (Санкт-Петербург)

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТУРЕЦКИХ ПЛЕННЫХ В РОССИИ В 1914–1918 гг.: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация

В статье раскрываются различные аспекты медицинского обеспечения турецких военнопленных в России в годы Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, что данная разновидность обеспечения носила, в основе своей, универсальный характер и пленные османы, как правило, получали в России медицинскую помощь наравне со своими союзниками.

Ключевые слова: военнопленные, лечебные заведения, медицинская помощь, турки.

Keywords: prisoners of war, hospitals, medical care, the Turks.

Как следует из анализа архивных документов, обеспечение содержащихся в России военнопленных Центральными державами различными видами довольствия носило, по большей части, универсальный характер, т.е. мало зависело от государственной принадлежности пленников.

Сказанное всецело относится и к их медицинскому обеспечению. Вместе с тем, применительно к туркам можно обнаружить и некоторые особенности. Так, есть основания полагать, что в пределах Кавказского театра военных действий такое обеспечение, по видимому, не всегда отличалось должной оперативностью и эффективностью. К примеру, по мнению Заведующего медицинской частью Красного Креста при Кавказской армии профессора В.А. Опеля, даже к исходу войны передовые госпитали армии «были плохо приспособлены к подаче правильной хирургической помощи <...> имелось большое количество запущенных ранений, особенно среди пленных турок (Курсив наш – В.П.)» [1, 39ж].

Впрочем, похоже, что проблема не ограничивалась одними лишь передовыми госпиталями и одной лишь областью хирургии. Так, по данным М.Э. Комахидзе, летом 1916 г. в Тифлисском лазарете № 8 уровень смертности турецких пленных «в результате хирургических заболеваний составлял 14 %, а от терапевтических болезней – 60 %», тогда как среднее значение данного показателя по лазарету едва достигало 3,3 % [2, 34].

Причины указанного явления, как представляется, требуют отдельного междисциплинарного исследования. Пока же мы можем сослаться на тот очевидный факт, что при лечении османов «языковой барьер» между врачом и пациентом возникал гораздо чаще и преодолевался гораздо сложнее, нежели в ходе лечения австрийцев, германцев и даже венгров. Порой наблюдались отказы пленников от спиртосодержащих медикаментов. Судя по некоторым данным, турки чаще своих союзников отклоняли предложения о необходимости выполнения хирургических операций, в т.ч. срочных ампутаций.

Определенную роль здесь сыграло и то, что из 43 пленных турецких врачей, большая часть оказалась в регионах Сибири, где османские пленники не только пребывали в меньшинстве, но и, как показывают данные статистики, болели в полтора раза реже, чем их товарищи на Европейской части страны [3, 26, 28–29]. В то же время, Главное военно-санитарное управление российского Военного министерства даже в середине 1916 г. признавалось, что «не располагает сведениями о находящемся в русском плену турецком санитарном персонале» и само просило Главное управление Генерального штаба «не отказать выслать сведения о врачах турармии, находящихся у нас в плену» [4, 8–9, 12–19,

24–25]. (Впрочем, турецкие врачи трудились и на Кавказе, и именно в тех пунктах, где в них ощущалась наибольшая потребность – в госпиталях кр. Карс и лагеря военнопленных на о. Нарген. К примеру, в 1917 г. последнюю обслуживала «интернациональная бригада» медиков в составе шести турецких врачей, пяти русских и одного германского [5, 56; 6, 97]).

В остальном же можно утверждать, что турецкие военнопленные получали в России медицинскую помощь наравне со своими союзниками. В отдельных населенных пунктах пленникам отводились конкретные лечебные заведения. Например, в Курске, эвакуируемые с Юго-Западного фронта османы, помещались на стационарное лечение исключительно в 80-й сводный эвакуогоспиталь, оборудованный в здании бывшего пивомедоваренного завода А.И. Квилиц [7, 4–5, 52, 114–117, 120–124]. Однако уже в Рязани их могли направить практически в любой из эвакуационных госпиталей города (42-й, 43-й, 44-й, 45-й или 46-й) [8, 331–332; 9, 265–269].

Примерно такая же картина наблюдалась и в лечебных заведениях гражданских ведомств. Так, «Правила применения труда военнопленных и военнообязанных», действовавшие на Рязано-Уральской железной дороге, ясно гласили, что «так как пленные рассматриваются как поденные рабочие – им предоставляется лечение в полном объеме, включая и больничное» [10, 160–161, 167]. Аналогичный порядок был предусмотрен и на строительстве Армавир-Туапсинской железной дороги, где заболевшие пленные турки госпитализировались в железнодорожную больницу г. Ставрополя [11, 110].

Правда, изложенное выше воплощалось в реальность далеко не всегда и не повсеместно, поскольку работодатели, получающие военнопленных для выполнения работ, возвращали их военному ведомству не только в истрепанном обмундировании но и (что намного хуже) массово больными. И исключение здесь не делалось даже для занятых на строительстве такого стратегического объекта, как Мурманская железная дорога [12, 171]. Тем не менее, в целом, уровень оказываемой пленникам медицинской помощи следует оценить как вполне приемлемый. Это признавалось даже членами делегаций Датского и Шведского обществ Красного Креста, регулярно работавших в России и обычно настроенных к ней более чем критически. К примеру, в отчете одной из таких делегаций за период с ноября 1915 г. по февраль 1916 г. указывалось следующее: «наши многочисленные посещения госпиталей в общем произвели на нас хорошее впечатление. Врачи и сестры милосердия обращаются доброжелательно с пленными и проявляют к ним много забот; пленные неоднократно просили нас выразить благодарность врачам и персоналу» [13, 2].

Впрочем, точка зрения Порты на этот счет, вероятно, могла быть и несколько иной. Например, 11 (24) августа 1917 г. она направила МИД России ноту, в которой обращалось внимание на «невыносимые условия жизни турецких пленных-инвалидов», размещенных в Иваново-Вознесенске. Характерно, что МИД отреагировал на ноту с мало присущей этому учреждению резкостью: «пленные инвалиды содержатся точно также, как и больные русские, и по данным, поступающим в Министерство иностранных дел, гораздо лучше, чем пленные русские инвалиды в Турции» [14, 1–2]. Еще ранее, в 1916 г., некоторый переполох в Петрограде вызвала публикация в одной из газет Стамбула писем турецких военнопленных из России, в которых те жаловались на плохое обращение в русских лечебных заведениях с ранеными турками и в этой связи сравнивали госпиталь в Карсе «с настоящей бойней» [15, 1, 3]. Однако в иных источниках эти сведения не находят своего подтверждения. Не обнаружил никаких признаков «бойни» и пленный лейтенант Асаф Мехмед, лечившийся в том же госпитале, в том же 1916 г. Напротив, в памяти лейтенанта сохранилось нечто прямо противоположное: «вечером нас заводят в длинный барак и выдают чистую одежду. Прежнюю я носил всего лишь одну ночь. Девушки подстригают всех желающих. Затем мы моемся. После бани мы проходим в палаты уже в больничном белье <...>. Госпиталь освещается электричеством. В нем работают одни женщины, которые называются «сестрами милосердия». Они парят вокруг нас словно ангелы, придавая нам силы. Прикосновения их рук к нашим лицам доставляет большое удовольствие» [16, 11].

В контексте рассматриваемого вопроса следует отметить, что российским командованием принимались и профилактические меры, направленные на сохранение здоровья пленных. Так, один из жителей г. Варнавин Костромской губернии вспоминал, что в 1916–1917 гг. содержащихся в городе турок в летние жаркие дни строем водили на городской пляж купаться [17, 28].

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 118.
2. Комахидзе М.Э. Жизнь и деятельность Григория Михайловича Мухадзе. Тбилиси. 1975.
3. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 160. Оп. 708. Д. 5190.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 11. Д. 10.
5. Там же. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 506.
6. Там же. Д. 1152.
7. Там же. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 195.
8. Государственный архив Рязанской области. Ф. 212. Оп. 2. Д. 5. Св. 1.
9. Там же. Д. 64. Св. 8.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 273. Оп. 6. Д. 1480.
11. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1555.
12. РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 176.
13. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 11. Д. 123.
14. АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2890.
15. Там же. Д. 3029.
16. Asaf M. Volga Kıyılarında (Esâret Hâtıra ve Mâcerâları) ve Muhtıra. İzmir. 1994.
17. Варнавинский историко-художественный музей (ВИХМ). Научный фонд. № 435.